

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН

Аннотация: Как думается, можно условно разделить все приемы искажения истории на непреднамеренные и намеренные. Первые, которые нередко встречаются в трудах даже «остепененных» историков, на наш взгляд, проистекают из них стилистических ошибок, неотредактированных издателями, возникающие из-за специфики их предыдущего (как правило, неисторического образования). Но есть и другие, труды, авторы которых осознанно искажают объективную реальность прошлого, фактически создавая паранаучные труды. Ниже мы попытаемся на ряде примеров рассмотреть приемы неосознанного и осознанного искажения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн и их последствия, попытаемся ответить на вопрос о возможности работы с такими, заведомо недостоверными трудами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, методология истории, наука, паранаука, философия науки.
Об авторе: Дмитрий Викторович Суржик, кандидат исторических наук, ученый секретарь Центра истории войн и геополитики, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, методист Музея Победы. 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а, тел. 8(495)938-17-66, e-mail: dimusu@inbox.ru

14 апреля 2016 г., выступая на совещании руководителей органов госаттестации научных кадров высшей квалификации государств-членов СНГ в РУДН, заместитель министра образования и науки РФ Людмила Огородова озвучила существующий с 2013 г. порядок присвоения ученых званий и присуждения ученых степеней. Согласно соответствующим постановлению правительства и приказу Минобрнауки, к защите диссертаций по трем направлениям — медицина, ветеринария и юрис-

пруденция — допускаются только специалисты, получившие соответствующий диплом в вузе. Казалось бы, какое отношение эта реформа имеет к нашей дискуссии? Непосредственное.

Трудно в целом о качестве и проблемах советской исторической науки, но могу констатировать некоторые тенденции в развитии российской исторической науки. Увы, но с 1990-х годов в нее стремится большое количество специалистов из других отраслей знания, что и призвана оградить (правда, для трех других наук) указанная реформа. Пример А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, которые начали свой путь в историю с механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, выпустив в 1993 г. под грифом этого уважаемого научно-образовательного центра 204-страничный реферат «Критика традиционной хронологии Античности и Средневековья. (Какой сейчас век?)» тиражом 20 тыс. экземпляров, очень нагляден, чтобы на нем дополнительно останавливаться. Достаточно сказать о хронологической несуразности и многочисленных ошибках одной из их совместных последующих книг, вышедшей тиражом 5 000 экземпляров [11]. (Например, построенное на аллюзии к Библии название третьей главы этой книги: «Пятикнижие. Завоевание Земли обетованной — это *атаманское* турецкое завоевание пятнадцатого века» - курс. наш Д.С.).

Но и помимо них есть достаточное количество авторов с учеными степенями (и по историческим наукам), стиль изложения которых напоминает причудливую смесь сказок и исторической были. Так, известный военный историк (выпускник кафедры системного анализа факультета кибернетики МИФИ и кандидат исторических наук) А.В. Исаев, критикуя работы В.Б. Резуна (псевд. Виктор Суворов) называет танковые войска вермахта не иначе, как «меч-кладенец» [3:362]. Но здесь

это, скорее, неуместная попытка приблизить свой текст к пониманию широким читателем, которая соединилась с невнимательностью редактора, «забывшего» поставить это сравнение в «ироничные» кавычки.

Порой тезисы и методы «модного столичного историка» транслируются региональными учеными. Например, д.и.н. С.А. Нефедов видит среди причин побед вермахта в 1939-1940 гг. исключительно развитие его танковых войск. Вслед за А.В. Исаевым он «обезлюживает» войну, не видит солдат и военачальников с их военным опытом и морально-боевым духом, над которым работают военно-политические органы как своей страны, так и противника [5: 53-54]. Более того, уральский историк, очевидно смешивая термины, называет тактику применения танков гитлеровским военным командованием новым видом оружия (и это – в 1941 г.!) [6:44-53]. Что, кроме вольного обращения с историческими и военными терминами и пренебрежения историографической традицией роднит Исаева и Нефедова? Их ученые степени по историческим наукам, которые «ложатся» на их предыдущее образование по другой специальности. Как можно классифицировать труды двух этих авторов, которые стремятся заново «изобрести велосипед»? Это неосознанная фальсификация или же злонамеренная фальсификация с искажением и избирательным подбором источников, подбираемых для заранее сформулированной концепции? Думается, мы имеем дело с непрофессиональной стилистикой, которая уводит их неподготовленных читателей от понимания всей сложности описываемых событий.

Да, выпячивание ими только одной (материальной) стороны изучаемых фактов может вызвать улыбку или недоумение у специалистов. Куда хуже, когда неподготовленный читатель берет в руки книгу с целостно выстроенной концепцией, опирающейся на переработанные

(вплоть до передачи противоположного смысла) источники, своеобразно препарированные факты и стереотипно-бездоказательные оценки автора. Таким образом, как будет показано ниже, и создаются исторические мифы.

Рассмотрим в этой связи две книги о событиях Великой Отечественной войны: А. Гогуна «Между Гитлером и Сталиным» [1] и В. Ханта «Кровь в лесу. Окончание Второй мировой войны в курляндском котле» [14]. Первая книга повествует о националистическом подполье Украины в период Великой Отечественной войны и вплоть до его разгрома в первые послевоенные годы и представляет собой переработанную диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенную тем же автором в Санкт-Петербурге в 2005 г. под названием «Деятельность вооруженных националистических формирований на территории западных областей УССР (1943 – 1949)». Вторая книга – это аннотированный сборник «устных историй» о боевых действиях в названном регионе осенью 1944 – весной 1945 гг., который был составлен «журналистом, интересующимся историей» (Именно так определил себя В. Хант в интервью для издательства, выпустившего его сборник. См. [13]). Несмотря на различные предметы, у обоих трудов есть много общего в методологии.

Один из них – отказ от объективного освещения и подбор негативно коннотированных определений при описании любых элементов одной из сторон конфликта (СССР). Это достигается через выборочное использование описательных материалов для каждой из описываемых сторон, их диспаритета и стереотипно-бездоказательные оценочные суждения авторов. Например, советская власть на Украине в межвоенный период у Гогуна представлена исключительно как насилие над самобытными культурными и хозяйственными традициями этой страны. При этом автор идет на прямой подлог,

когда пишет: «В 1930-х гг. большинство представителей старой украинской интеллигенции было репрессировано, украинизация сменилась русификацией, продолжавшейся вплоть до конца 1980-х гг.». Несмотря на массовое распространение русского языка и возможность отказаться от изучения украинского в школах, украинский язык сохранялся для делового и бытового общения. «Создатель украинского языка», М.С. Грушевский в 1924 г. вернулся в СССР, а в 1930-х годах, несмотря на репрессии, затронувшие его окружение, работал в Москве и являлся академиком АН СССР. В 1929 году в УССР уже действовало 80 % школ, свыше 60 % техникумов и 30 % институтов с украинским языком обучения. В 1930 году в Украине 68,8 % газет выпускались советскими органами на украинском языке, в 1932 году их было уже 87,5 %. В 1925-26 гг. 45,8 % книг, издаваемых коммунистами в Украине, печатались по-украински, к 1932 году эта цифра составила 76,9 % [10].

Также, с ловкими умолчаниями и созданием стереотипных образов «досоветской» Латвии и Латвийской ССР построено описание В. Ханта. Говоря о том, что его мало интересует история Латвии до 1944 г., британский журналист создает в сознании своих читателей образ межвоенной Латвии как «Восточного Парижа», избегая говорить о диктатуре Улманиса с репрессиями против инакомыслящих, которая с середины 1930-х годов откровенно клонилась к гитлеровской Германии. Советский период в истории Латвии (по В. Ханту) – это «советская оккупация», о которой сейчас осталось воспоминание в виде здания Академии наук ЛатССР, дважды упоминаемого с определением «уродливый» [14: ix].

Создав таким образом общее неприятие читателями всего советского, оба автора переходят к описанию националистического антисоветского подполья. Обе книги роднит использование термина «национальные

партизаны», при этом российский автор оказывается глубже, пытаясь представить (хоть в каком-то виде) причины формирования вооруженной оппозиции советской власти. В стремлении оправдать своих героев, ставших на путь сотрудничества с немецко-фашистскими войсками и оккупационной администрацией, и Гогун, и Хант изображают их жертвами обстоятельств – той невыносимой обстановки, в которой нельзя было сохранить нейтралитет между двумя полюсами персонифицированного зла. «В 1930-х годах в Центральной и Восточной Украине появилось много заводов, чего не было в румынской, польской и чехословацкой Украине... А построенные заводы, выпускавшие преимущественно не средства потребления, а средства истребления, можно было охарактеризовать как предприятия индустриального крепостничества, на которых использовались прогрессивные формы варварской эксплуатации рабочих». В действительности же только в ходе первой пятилетки Украина получила более 20% общих капиталовложений, на которые были реконструированы старые предприятия, а также построены новые (Запорожсталь, Криворожсталь, Азовсталь, ДнепроГЭС, Харьковский тракторный завод и другие) – их, несмотря на тяжелые условия труда, типичные для заводов того времени, никак нельзя назвать предприятиями, производившими «средства истребления». При этом в ходе первой пятилетки во всех союзных республиках строились объекты социальной инфраструктуры, финансировались культурные мероприятия. Эти траты составили 4,6 млрд рублей, заняв седьмое место в распределении средств госбюджета страны [4: 209]. Но эти материалы игнорируются, вместо них применяется риторический прием «отравление источника», то есть подрыва авторитета заявлений всех, кто связан с одной из сторон конфликта.

Такую же безальтернативную картину будущего латышской молодежи перед лицом наступающей Красной армии рисует Хант: «Помимо немцев в котле находились латыши – уже не школьники – в форме Ваффен-СС, известные как «Латвийский легион» <...> Для многих латышей оставленный перед ними выбор был прост: боевое подразделение, трудовой батальон или концлагерь». Это были вчерашние школьники, которых «забирали прямо со школьных классов, запихивали в униформу и отправляли на линию фронта, где они погибали в течение нескольких дней» [14:20]. То, что Латвия находилась под оккупацией в состоянии автономии, в которой коренное население было активно представлено в органах власти, Хант не пишет. Равно как и не говорит о парадоксе: этот насильственный призыв осуществляли члены «команды Арайса» – то есть националисты, выступавшие за будущее своей нации, своими же руками отправляли свое будущее (молодежь) на верную гибель. Потому, что они не боролись за свое будущее, а боролись только за свою жизнь и свое право быть в тылу, прислуживая гитлеровской оккупационной администрации. Но таких глубоких откровений в книге Ханта не встретить.

Подобный «исторический фатализм», то есть попытка представить своих героев объектами приложения третьих сил, весьма популярен в современной зарубежной исторической публицистике. Именно так (в тисках «двух тоталитаризмов», гитлеровского и сталинского) изображает Восточную Европу Т. Снайдер в книге «Кровавые земли» [15], именно так – заложником коварных и циничных Сталина и Черчилля – изображают премьер-министра польского правительства в изгнании С. Миколайчика современные польские авторы [12]. Но является ли этот «исторический фатализм» историчным? Для истории как науки характерен поиск рационального объяснения причин (как объективных, так и субъективных)

событий и мотивов поступков. Причем, чем шире берется палитра факторов (в пределах разумного, конечно же, – вспомним здесь о поиске причин нападения Наполеона на Россию в романе «Война и мир», которые начались с гностики, а закончились агностицизмом), тем лучше. Видим ли мы широкую палитру факторов и источников в трудах Гогун и Ханта? Нет. В трудах этих авторов мы видим не расширение, а сужение причин, сведение их исключительно к личным переживаниям отдельных персонажей. Мы видим также и осознанные игнорирование «неудобных источников»* и замалчивание фактов, не соответствующих конструируемому образу прошлого. Наконец, мы видим намеренный отказ от рассмотрения предпосылок для тех или иных поступков их героев. Британский журналист в книге прямо заявил, что его интересует только воспоминания ветеранов о курляндском котле, и вдаваться вглубь он не намерен. Наверное, поэтому не найдем у него правды о мотивах тех, кто сражался на Гитлера в составе 19-й гренадерской (2-й латышской) дивизии Ваффен-СС. Ведь костяк «Латышского легиона», из которого формировались обе эсэсовские латышские дивизии, – это формирования вспомогательной полиции (шума), которые совсем недавно участвовали в кровавых карательных операциях на территории Белоруссии (см., напр., [2]).

Вместо этого мы видим постоянную апелляцию к чувствам читателей, перед которым прибалтийские коллаборанты предстают совсем еще юными парнями, которые отправляются умирать за чужие интересы, или мужественно сражающимися эсэсовцами, чьим отцам

* В предисловии Хант сожалеет о том, что его призыв к русскоязычным латышам поделиться своими воспоминаниями так и остался «гласом вопиющего», но ничего не сделал, чтобы изучить выложенные в Интернете (например, в рамках проекта «Я помню») воспоминания советских военнослужащих о боях в Курляндии.

мстят «просоветские партизаны», или сломленными (наряду с представителями других «объединенных наций Гитлера») людьми, которым нечего делить, кроме общих грязи, вшей и смерти. При этом, английский автор действует весьма умело, сочетая яркие и метафоричные описания природы с грубыми вторжениями в нее войны и людского горя, крайностями в описании достигая фрустрации своих читателей. Это хорошо известный в риторике прием (а точнее – логическая ошибка) аргументации к чувствам аудитории.

Труды Гогун и Ханта объединяет и общий подход к терминам, а точнее – набор эвфемизмов и методов описания националистического подполья и советских партизан, цель которого – перевернуть представление о том, кто же в действительности боролся на оккупированной территории, а кто коллаборировал с оккупантами. Гогун называет советских борцов «сталинскими партизанами», лишая их борьбу «низовой инициативы», и избегает термина «бандеровцы» к членам УПА. Наоборот, отрядам последних он стремится придать видимость общенационального характера бандеровскому движению. Этот шаг также имеет двоякую цель. С одной стороны, после показа (весьма поверхностного и стереотипного, лишь в самой малой своей степени соответствующих действительности) жестких мер сталинского руководства любой субъект с определением «сталинский» априори несет негативную смысловую нагрузку. С другой же, подразумевается, что все украинское население поддерживало или же напрямую участвовало в борьбе националистов. Если первое – это эмоционально-психологический аргумент, то второй – заведомый подлог, который идет в противоречие с достоверно известными документальными фактами о сотрудничестве лидеров украинских националистов с Абвером еще с середины 1920-х годов. (См., напр., выдержку из прото-

кола допроса бывшего начальника отдела Абвер-II полковника Э. Штольце о сотрудничестве руководителей ОУН А. Мельника и С. Бандеры с Абвером. 15 октября 1946 г. Оpubл.: [7: 643-646]). То есть выведение в самостоятельный субъект и показ независимой борьбы украинских националистов не соответствуют действительности. ОУН и УПА были одними из инструментов гитлеровской агрессии и террора против населения оккупированной Украины. При этом, в рассматриваемой книге «Между Гитлером и Сталиным» Гогун, в отличие от своей же кандидатской диссертации, монополюно называет Соппротивлением только вооруженные формирования украинских националистов. Эта грубейшая концептуальная ошибка будет им исправлена в последующем труде «Сталинские командос» (М., 2008, 2012), за то советским партизанам придется «поплатиться» очередными негативными эпитетами.

Следуя той же популярной для западноевропейской исторической публицистики тенденции, В. Хант также включает националистическое подполье в ряды партизан, именуя их «национальными партизанами» или «националистическими партизанами». Здесь оба автора допускают грубую ошибку, ибо националистическое подполье формировалось из тех, кто в годы нацистской оккупации не находился на нелегальном положении и, более того, при отступлении немецко-фашистских оккупантов нередко получал снабжение от них. При этом оба автора практически не говорят о действиях «просоветских партизан» против немецко-фашистских захватчиков, стереотипизируя их образ яркими негативными ярлыками. Напротив, единичные случаи нападений националистов на немецкие войска и их пособников (например, единственный бой т.н. «батальона Рубениса» 16-18 ноября 1944 г. – на с. 21 труда В. Ханта) выпячиваются обоими авторами и лживо представляются как обычная

боевая деятельность националистов. О сотрудничестве националистического подполья с оккупантами, а уж тем более – о диверсионной организации «Ягдфербанд-Ост», которая (подчинялась главе военного управления РСХА О. Скорцени) курировала террористические акты националистов в тылу Красной армии [8: 817-821], – ни у Гогуна, ни у Ханта – ни слова. Впрочем, стыдливо избегают говорить об этом сотрудничестве и в немецком 10-томнике «Германский рейх и Вторая мировая война» (см. подробнее [9: 171-177]).

На основании проведенного анализа приемов трудов А. Гогуна и В. Ханта можно выделить их общие приемы: сужение источниковой базы и, как следствие, сужение причин, намеренное игнорирование исторических предпосылок тех или иных событий и явлений, отказ от объективного освещения и «отравление источника» в отношении одной из сторон конфликта, игнорирование историографической традиции и использование различных эвфемизмов с целью приписать противоположным сторонам конфликта несвойственные им черты, стереотипизация образов посредством бездоказательных заявлений, искусственные обобщения на базе единичных фактов и умолчания тех фактов, которые противоречат создаваемой обоими авторами картине прошлого.

Могут ли труды, авторы которых прибегают к приемам психологической и фактической манипуляции, считаться научными? Нет, хотя они и имеют некоторые внешние черты научных исследований. (Так, у В. Ханта, помимо сносок на использованные в его авторских аннотациях источники, есть список карт, замечания о произношении, и тройной – именной, географический и военных формирований – указатель). Эти мифологизирующие историю труды можно отнести к паранауке, мимикрирующей в науку, дабы паразитировать на авторитете последней.

Могут ли такие, паранаучные работы использоваться историками? Могут, только если это очень опытные и беспристрастные исследователи. При таком условии даже паранаука может стать источником познания для науки: для конструктивно-критического осмысления существующих научных концепций или же в социологических целях – для изучения факторов и масштабов заблуждений и примеров целенаправленного конструирования исторического сознания.

Литература

1. *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб, 2004.
2. *Дюков А.Р.* Операция «Зимнее волшебство». Нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм. М., 2011.
3. *Исаев А.В.* Алексей Исаев против Виктора Суворова. М., 2010.
4. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1933.
5. *Леверкюн П.* Германская военная разведка. М., 2011.
6. Нефедов С.А. Дорога на Москву // Вопросы истории, 2012, № 7. С. 44-53.
7. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в 7 томах. Т. 2. М., 1958.
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля-31 декабря 1944 г.). М., 2007.
9. *Суржик Д.В.* “Прибалтийский вопрос” на страницах немецкого десятитомника “Германский рейх и Вторая мировая война” и в отечественных исследованиях // Новая и новейшая история, 2016, № 5. С. 171-177.
10. Украинский националист Иосиф Сталин (URL: <http://legitimist.ru/sight/history/2014/ukrainskij-nacjonalist-iosif-stalin.html> Дата обращения: 09.02.2019)
11. *Фоменко А.Т., Носовский Г.В.* Русь-орда на страницах библейских книг. М., 1998.

12. *Belc M.* Powstanie pokonane w Moskwie...Warto wspomnieć o misji Stanisława Mikołajczyka w Rosji // Polska Niepodległa, 1 sierpień 2017.
13. *Corbett M.* Exclusive Interview: Blood in the Forest author Vincent Hunt (URL: <http://blog.helion.co.uk/exclusive-interview-blood-in-the-forest-author-vincent-hunt/> / Дата обращения: 09.02.2019).
14. *Hunt W.* Blood in the Forest: The End Of The Second World War In The Courland Pocket. L., 2017.
15. *Snyder T.* Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. N.Y., 2010.